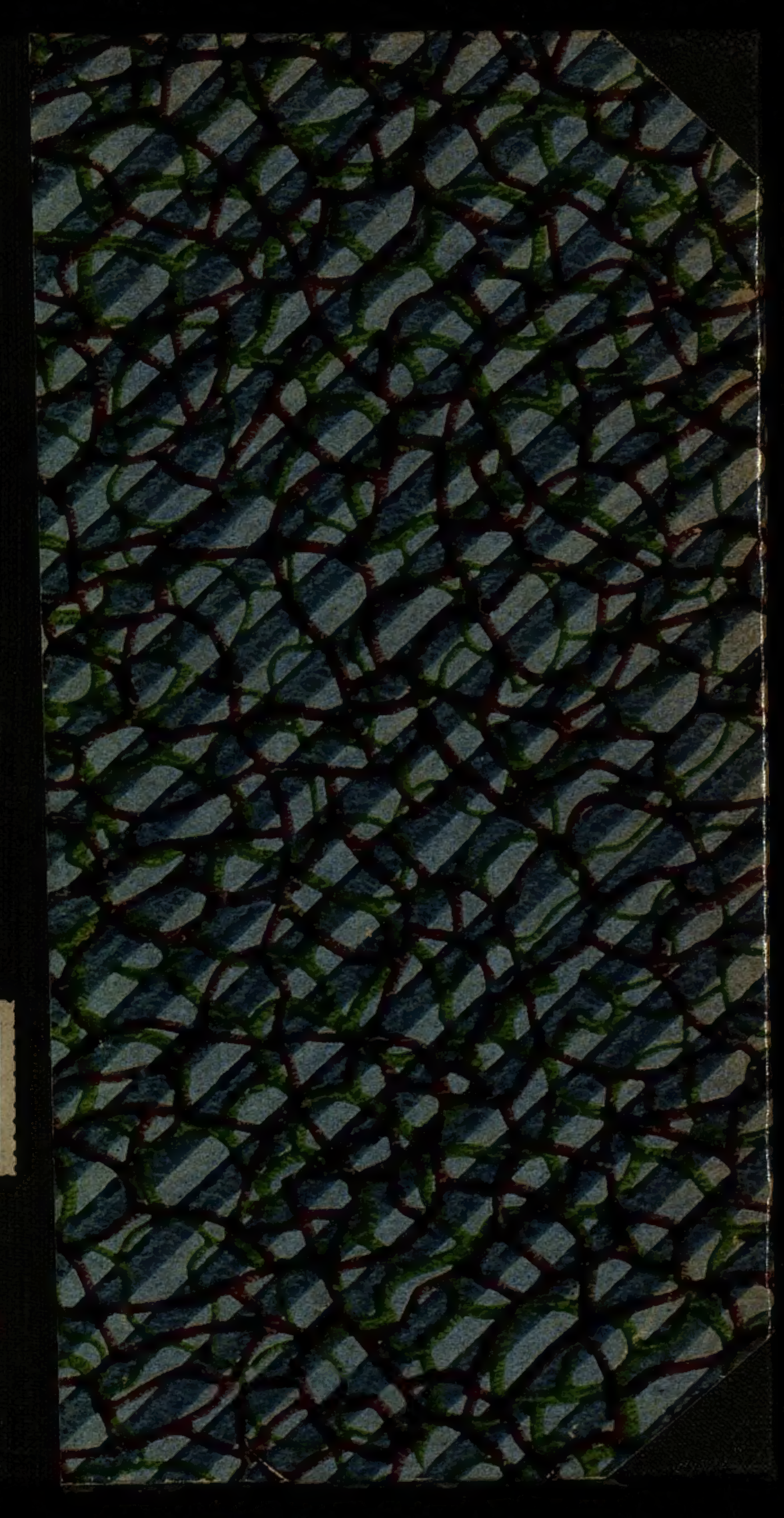
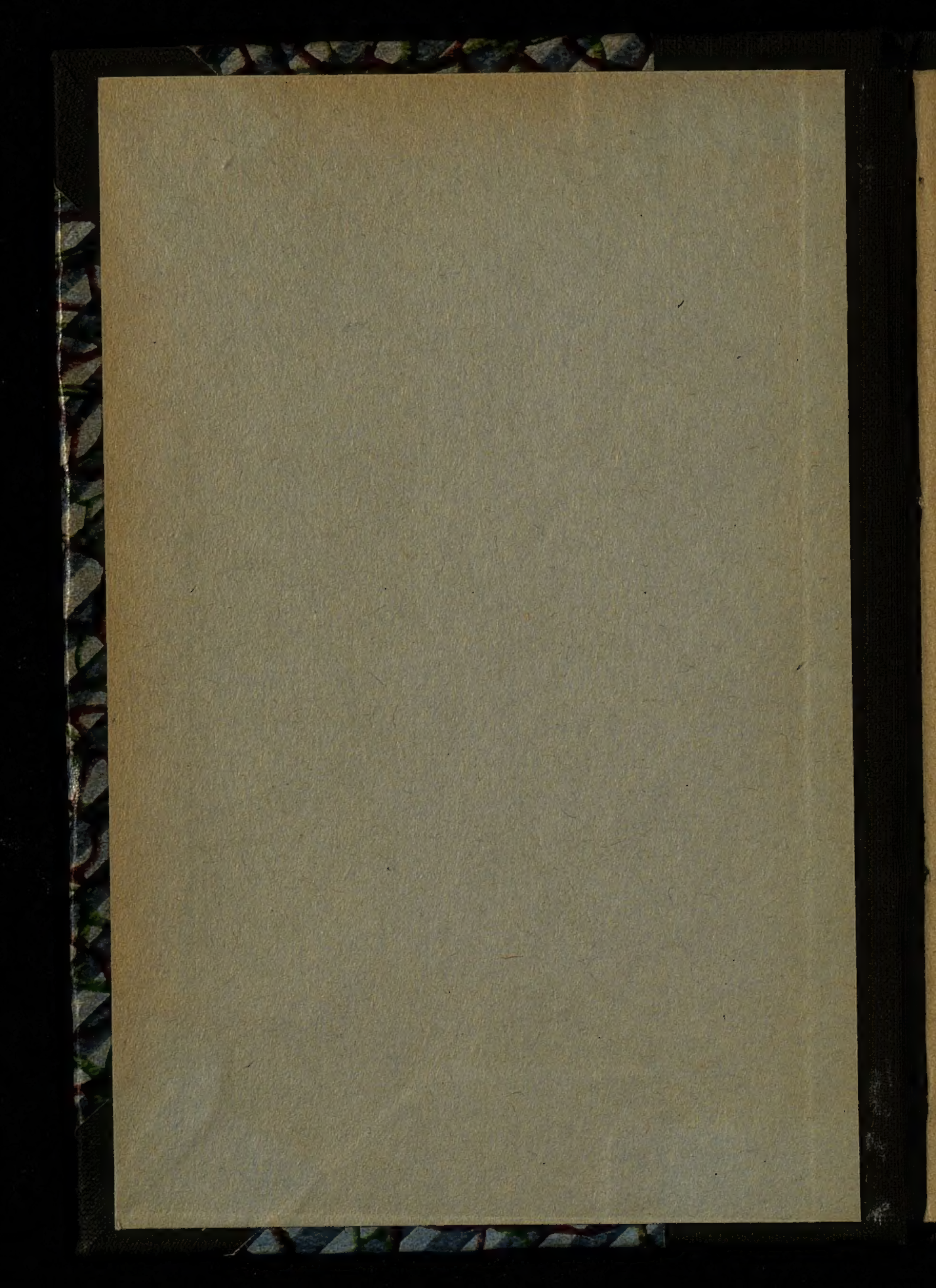
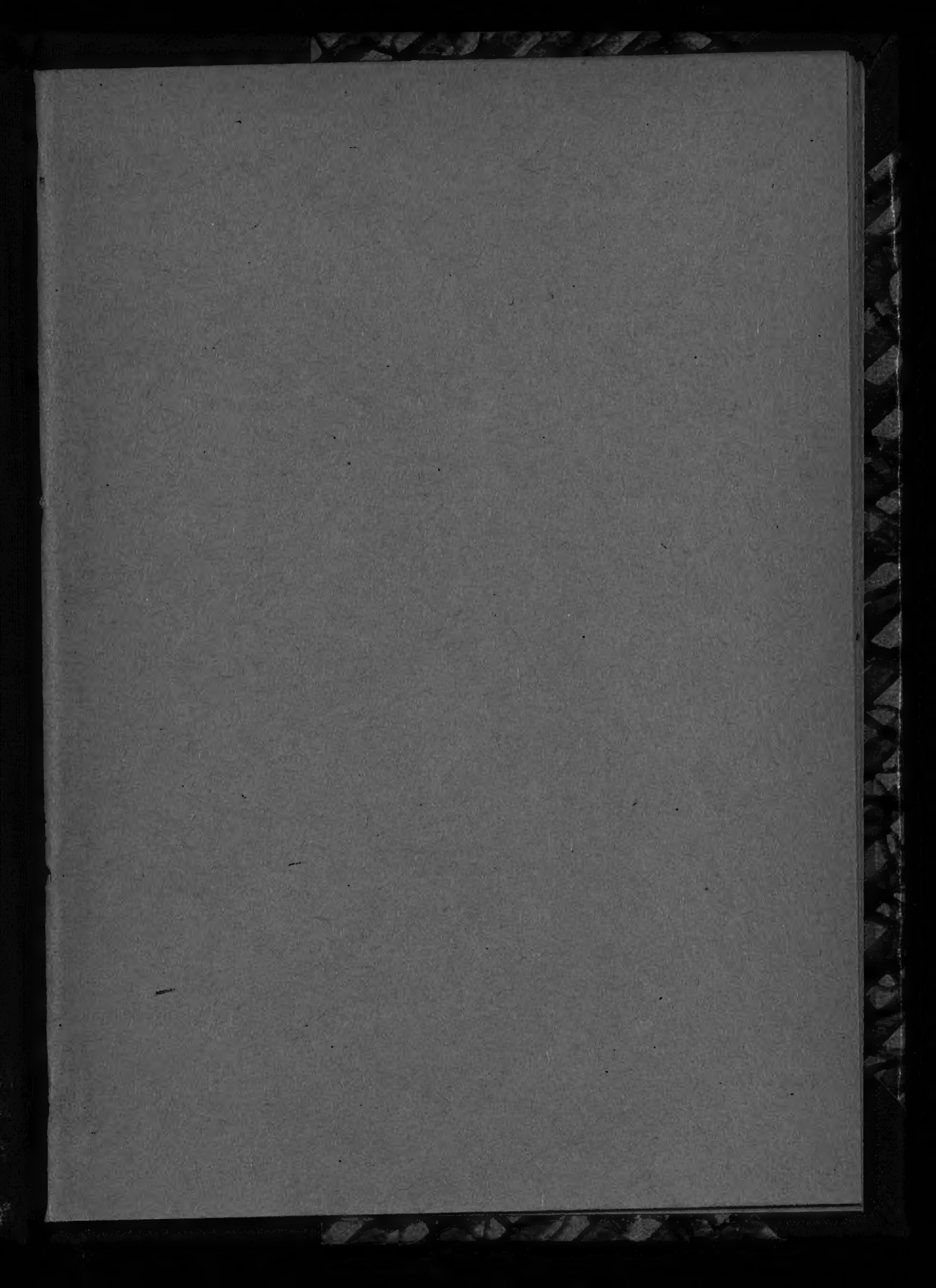

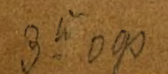

НАРОДНЫЯ ЧТЕНІЯ

ЗАКОНЫ И ДЛЯ ЧЕГО ОНИ ПИШУТСЯ.

Н. Каразинъ

Изданіе ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЙ
Постоянной Комиссіи по устройству народныхъ чтеній.

ЗАКОНЫ

И ДЛЯ ЧЕГО ОНИ ПИШУТСЯ.

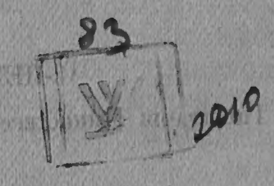

Второе пересмотренное и дополненное изданіе.

Рекомендовано Ученымъ Комитетомъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ, для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ, и для публичныхъ народныхъ чтеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 сентября 1901 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Одна изъ статей нашего "свода законовъ" гласитъ, что никто въ Россіи никогда не можетъ отговариваться незнаніемъ закона. Значитъ, если кто нарушитъ какой нибудь законъ по простому незнанію, это незнаніе не можетъ ему послужить въ оправданіе. Всякій, кто живетъ въ Россіи, обязанъ знать всѣ законы, которыми Россія управляется, а если онъ ихъ не знаетъ,—тѣмъ хуже для него.

Но можно ли знать всѣ законы? Правда, всякій новый законъ, который вводится въ Россіи, публикуется, то-есть печатается для всеобщаго свѣдѣнія. Но кромѣ такихъ законовъ, о которыхъ оповѣщается вся земля, ежегодно отъ правительства выходитъ цѣлый рядъ распоряженій, имѣющихъ ту же силу, что и законъ. Одни изъ этихъ распоряженій печатаются, вывѣшиваются въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ, другія сообщаются только тѣмъ властямъ, для которыхъ они предназначены. Бываютъ и такія распоряженія, которыя почему нибудь держатся въ секретѣ —это распоряженія по какимъ нибудь особенно-важнымъ государственнымъ дѣламъ.

Въ нашихъ рукахъ сейчасъ находится секретный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ ко всѣмъ губернаторамъ. Этотъ циркуляръ близко касается всего русскаго народа и въ особенности нашего крестьянскаго, деревенскаго люда. Поэтому мы рѣшили, что будетъ полезно его отпечатать, разъяснить понятнымъ для всѣхъ языкомъ и распространить его по всѣмъ деревнямъ, по мѣрѣ нашихъ силъ и возможности.

Циркуляръ—это такая казенная бумага, которая содержитъ въ себѣ окружное посланіе министра къ его подначальнымъ чиновникамъ. Въ этой бумагѣ, въ этомъ посланіи министръ

разъясняетъ своимъ подчиненнымъ, какъ они должны понимать законы и какъ ихъ исполнять, то-есть какъ поступать на основанiи этихъ законовъ съ не-чиновными людьми, съ простымъ народомъ. Тотъ циркуляръ, о которомъ мы сейчасъ поведемъ рѣчь, къ тому же не простой, а секретный, тайный, стало быть, особенно важный; объ немъ можетъ знать только высшее начальство—губернаторы. Не только что простые люди, а даже исправники, земскiе начальники и становые не должны и понятiя имѣть о томъ, что пишетъ министръ Внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ.

Министръ Внутреннихъ дѣлъ—это первый и ближайшiй къ царю слуга; онъ по должности приходится самымъ довѣреннымъ и приближеннымъ къ царю человѣкомъ. Царь поручаетъ ему управленiе всѣми внутренними дѣлами государства: стало быть, онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы внутри русскаго царства все было въ порядкѣ, чтобы народъ не голодалъ, не болѣлъ, чтобы сильный не обижалъ слабаго, словомъ, чтобы на Руси всѣмъ жилось благополучно, вольготно и счастливо. Велики обязанности министра Внутреннихъ дѣлъ, за то велика и его власть. Ему подчинены всѣ губернаторы, исправники, земскiе начальники, становые, урядники—вплоть до послѣдняго полицейскаго.

Поэтому и любопытно всякому крестьянину знать, о чемъ это такой важный сановникъ-министръ можетъ писать губернаторамъ, да еще секретно, тайно, стало быть, вполнѣ откровенно, на чистоту, не боясь, что скажутъ объ этомъ всѣ не-чиновные люди, вся грамотная и читающая Русь. Вѣдь отъ этого министерскаго циркуляра зависитъ многое: что сказано въ циркулярѣ, то будутъ исполнять всѣ губернаторы, а въ ихъ рукахъ—жизнь и судьба миллiоновъ русскаго народа. Каждый губернаторъ—полный хозяинъ въ своей губернiи: въ ней онъ то же, что министръ Внутреннихъ дѣлъ во всемъ государствѣ, тѣ же у него для своей губернiи права, тѣ же и обязанности.

Будемъ же внимательно читать и обдумывать, что сказано въ циркулярѣ.

МИНИСТЕРСТВО
Внутреннихъ Дѣлъ.
Департаментъ
Полиціи.
17 Іюня, 1898 года.
No. 4894

Секретно. Циркулярно.

Изъ поступающихъ въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній усматривается, что въ нѣкоторыхъ, преимущественно южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ, за послѣднее время возникаетъ рядъ крестьянскихъ безпорядковъ, проявляющихся въ видѣ систематическихъ * потравъ помѣщичьихъ полей и луговъ, съ выгономъ скота подъ карауломъ, вооруженнымъ палками, кольями и вилами; нападеній на помѣщичьихъ объѣздчиковъ и сторожей, или значительныхъ порубокъ въ помѣщичьихъ лѣсахъ при дракахъ съ полѣсовщиками. При захватѣ объѣздчиками крестьянскаго скота, крестьяне, съ цѣлью его освобожденія, нерѣдко цѣлыми деревнями, совершаютъ вооруженныя нападенія на экономіи и усадьбы землевладѣльцевъ и производятъ разгромъ хозяйственныхъ и даже жилыхъ построекъ, нанося побои и увѣчья служащимъ и караульщикамъ. Подобныя безчинства сопровождались въ нѣкоторыхъ случаяхъ вооруженнымъ сопротивленіемъ прибывающимъ для усмиренія безпорядковъ властямъ и нанесеніемъ побоевъ и ранъ чинамъ полиціи, а въ Воронежской губерніи, въ маѣ сего года, ночью былъ произведенъ выстрѣлъ неизвѣстнымъ злоумышленникомъ въ ѣхавшаго по деревнѣ арендатора и становового пристава, принимавшаго участіе въ прекращеніи безпорядковъ, возникшихъ на почвѣ экономическихъ † недоразумѣній крестьянъ съ арендаторомъ, при чемъ становой приставъ былъ убитъ. Независимо отъ сего былъ случай жестокаго избіенія толпой, на базарѣ, одного землевладѣльца изъ-за денежныхъ разсчетовъ по полевымъ работамъ, съ угрозами и впредь расправляться подобнымъ же образомъ съ нанимателями.

Остановимся немного и подумаемъ о томъ, что здѣсь говоритъ министръ. Итакъ, онъ узналъ, что въ деревняхъ и селахъ русской земли дѣла пошли неладно. Ему донесли объ этомъ въ Петербургъ губернаторы, тѣ же въ свой

---

* *Систематическихъ* потравъ и порубокъ—это значитъ постоянныхъ, заранѣе обдуманныхъ на зло и во вредъ помѣщикамъ.

† "Экономическихъ" — то-есть хозяйственныхъ — стало быть, изъ-за денежныхъ разсчетовъ.

чередъ написали ему то, что сами услышали отъ земскихъ начальниковъ, полиціи и помѣщиковъ. А услышали они, будто крестьяне не живутъ смирно и начинаютъ дѣлать разныя "безчинства."

Иными словами, помѣщики и полиція нажаловались черезъ губернаторовъ министру на мужиковъ. Конечно, если бы мужики объ этомъ знали, да если бы ихъ самихъ поразспросили объ этихъ "безчинствахъ,"—такъ у нихъ нашлось бы что сказать въ свое оправданіе, да пожалуй нашлось бы еще больше, за что можно пожаловаться на самихъ помѣщиковъ и полицію. Бѣда только въ томъ, что спросить на этотъ счетъ мужиковъ никто и не подумалъ.

И такъ всегда идетъ у насъ на Руси. Помѣщикамъ-дворянамъ по закону дано право, собравшись со всей губерніи на свое "дворянское собраніе," обращаться прямо къ самому царю съ ходатайствами о своихъ нуждахъ. Купцы, заводчики, фабриканты съѣзжаются изъ многихъ губерній, иногда изъ всей Россіи на свои особые "съѣзды"; на эти съѣзды часто являются сами министры и совѣтуются о томъ, чего хочется отъ правительства русскому купечеству. Точно такъ же и губернское начальство обычно водитъ хлѣбъ-соль съ купечествомъ, съ помѣщиками, съ богачами и держитъ ихъ руку. А кто заступится за крестьянина? За него и словечка замолвить некому. Да и самимъ крестьянамъ посылать своихъ ходоковъ къ высшему правительству строго запрещено. Развѣ можно безпокоить такихъ важныхъ особъ, какъ наши министры, изъ-за какой нибудь рваной мужицкой сермяги! Только передъ дворянскимъ околышемъ, военными эполетами да еще передъ толстымъ купеческимъ карманомъ и отворяются у насъ, въ Россіи, двери всѣхъ министерствъ, дворцовъ и палатъ!

Еще до сихъ поръ крестьяне часто думаютъ, что высшему правительству въ Петербургѣ неизвѣстна ихъ горькая мужицкая доля: тамъ-де вѣрятъ губернаторамъ да полиціи, и думаютъ, что русскій народъ живетъ себѣ припѣваючи, благодаря Господа на небѣ и царя съ правительствомъ на землѣ. Оказывается, однако, что это совсѣмъ не такъ. Министръ Внутреннихъ дѣлъ, самый близкій довѣренный государя, отлично знаетъ, что деревня годъ отъ году живетъ все безпокойнѣе и безпокойнѣе, что у крестьянъ съ

сосѣдними помѣщиками, крупными арендаторами, богатѣями-мiроѣдами и полицiей все чаще случаются нелады, ссоры и свары, такъ что дѣло доходитъ даже до смертоубiйства. Обязанность министра—прекратить эти безпорядки, водворить въ деревнѣ миръ, тишину и спокойствiе.

Съ чего же надо бы начать министру? Ясно бы, кажется, всякому мало-мальски разумному человѣку, что прежде всего ему слѣдовало бы точно и доподлинно разузнать, отчего это народъ бунтуется? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не ради же простого озорства крестьяне травятъ помѣщичьи луга или отправляются ночью съ топорами въ господскiй лѣсъ. Они отлично знаютъ, что за такiя дѣла ихъ не погладятъ по головкѣ. Часто по собственному горькому опыту имъ извѣстно, какъ строго наказываютъ наши суды за порубки и потравы. А за безпорядки, за сопротивленiе властямъ— и подавно: каждый годъ не мало народу идетъ за это въ Сибирь, въ острогъ, въ арестанскiя роты. Значитъ, туго приходится крестьянину, если, зная все это, онъ все таки выходитъ иногда изъ повиновенiя строгому закону и начальству! Или вотъ министръ пишетъ, что въ одномъ мѣстѣ стрѣляли въ арендатора и станового, въ другомъ избили до полусмерти землевладѣльца, который неладно разсчитался съ крестьянами, и такъ далѣе. Вѣдь загубить человѣческую душу—не шутка. Кому бы пришло это въ голову, если бы легко было всякому крестьянину законнымъ путемъ найти себѣ управу на помѣщика? Значитъ, ужъ очень накипѣло у крестьянъ на сердцѣ изъ-за всевозможныхъ несправедливостей, если они все чаще и чаще стали прибѣгать къ самосуду!

И малый ребенокъ пойметъ, что все это дѣлается не спроста, не съ жиру. Если человѣкъ сытъ, обутъ, одѣтъ, если никто его не обижаетъ, не притѣсняетъ, такъ и онъ не станетъ бунтовать, не станетъ съ топоромъ или вилами лѣзть на сосѣда, хотя бы онъ и назывался дворяниномъ или помѣщикомъ. А министръ вѣдь, слава богу, не малый ребенокъ: вѣдь не даромъ же царь его посадилъ на такое важное мѣсто. Онъ видитъ, что у крестьянъ больше не стало мочи терпѣть; ужъ какъ бы тутъ не призадуматься надъ тѣмъ, каково живется народу? Достаточно ли у крестьянъ луговой и пахатной земли, чтобы содержать семью,

прокормить рабочую скотину, да еще выплатить подати, которыя съ него требуютъ по царскому приказу? Достаточно ли у крестьянъ послѣ отмѣны крѣпостного права осталось отъ ихъ прежней земли лѣсныхъ угодій, чтобы протопить свою хату въ долгую, студеную зиму, починить дырявую крышу, поправить при нуждѣ ветхій амбаръ? Не пользуются ли помѣщики и богатѣи крестьянской нуждой, чтобы втридорога сдавать свою землю въ аренду, или чтобы нанимать мужика на работу зимой, когда голодъ, да холодъ, да подать заставляютъ его закладывать въ кабалу чуть ли не душу? Не обманываютъ ли они крестьянъ, не обижаютъ ли ихъ при разсчетѣ, пользуясь мужицкой простотой и темнотой, да незнаніемъ грамоты? Правъ ли тотъ судъ, которымъ судитъ помѣщиковъ съ крестьянами помѣщичій братъ и ставленникъ,—земскій начальникъ? Хорошо ли обращаются съ крестьянами исправники, становые, и урядники, не выколачиваютъ ли они послѣднюю мужицкую копѣйку на подать и недоимку?

Въ самомъ дѣлѣ, давно бы пора мужицкому стону и мужицкой слезѣ дойти до Питера. Давно мужики ждутъ, не дождутся, что должна же наконецъ произойти новая прирѣзка земли, да и какъ же имъ не ждать? Вѣдь при освобожденіи отъ крѣпостного права всѣмъ крестьянамъ—а было ихъ 22½ милліона ревизскихъ душъ—досталось 117 милліоновъ десятинъ земли; это выходило пять съ небольшимъ десятинъ на ревизскую душу, стало быть, если считать по наличнымъ душамъ, то выйдетъ по крайней мѣрѣ вдвое, а то такъ и втрое меньше. А вотъ помѣщикамъ-дворянамъ, по подсчету, сдѣланному около десяти лѣтъ назадъ, принадлежитъ больше 73 милліоновъ десятинъ земли, и находится она во владѣніи всего лишь 114-ти съ половиной тысячъ человѣкъ, то-есть на каждаго въ среднемъ приходится по 680 десятинъ земли, примѣрно, въ полтораста разъ больше, чѣмъ на каждаго крестьянина. Надо полагать, что и желудокъ дворянскій въ полтораста разъ вмѣстительнѣе крестьянскаго! Не обижены и купцы; они, счетомъ около 12-ти съ половиною тысячъ человѣкъ, владѣютъ всѣ вмѣстѣ почти десятью милліонами десятинъ земли, значитъ въ среднемъ по 775½ десятинъ на владѣльца!

А по какому праву? На какомъ основаніи они владѣютъ

этой землей? Какъ они ее себѣ присвоили? Развѣ они своими руками, своимъ трудомъ произвели ее на свѣтъ божій? Нѣтъ, мы всѣ знаемъ, что земля—не дѣло рукъ человѣческихъ, и никто изъ людей не можетъ сказать про нее, какъ про всякую другую вещь: "она моя; я ее сдѣлалъ!" Земля—общее народное достояніе, она существуетъ на всеобщую потребу, такъ же, какъ вода, какъ солнечный свѣтъ, какъ вольный воздухъ. И безъ земли людямъ также нельзя обойтись, какъ безъ воды, воздуха и свѣта. Кто же далъ владѣльцамъ право, не глядя на другихъ людей, захватить сотни и тысячи десятинъ земли и объявить: "она моя и ничья больше"?

По крайней мѣрѣ трудились ли они надъ этой землей? Ходили за ней, холили ее, поливали своимъ трудовымъ потомъ? Наживали себѣ на этой работѣ мозоли на рукахъ и горбъ на спинѣ? Нѣтъ, ее и холилъ, и обряжалъ, и поливалъ своимъ трудовымъ потомъ все тотъ же мужикъ —сначала по обязанности крѣпостного человѣка, а потомъ по горькой нуждѣ хоть вольнаго, да малоземельнаго. А они, присвоившіе себѣ эту землю, жили себѣ споконъ вѣку за чужимъ горбомъ, не зная ни труда, ни заботы, и считая, что они въ разсчетѣ съ мужикомъ, если выбросили ему за его труды мѣдные гроши изъ тѣхъ богатствъ, которыя создавалъ для нихъ въ потѣ лица своего тотъ же самый мужикъ, тотъ же самый рабочій!

Земля — это законная собственность землевладѣльцевъ; такъ они это утверждаютъ. Давно ли они перестали утверждать, что и самъ мужикъ, такой же человѣкъ, какъ и они, тоже можетъ быть ихъ "законной" собственностью? Законъ — великое слово; да только надо еще разобрать, кѣмъ тотъ законъ писанъ, и много ли въ немъ правды. Какими же путями они сдѣлались "законными собственниками" надъ землей?

Иные изъ прежнихъ царей, желая наградить кого-нибудь изъ своихъ приближенныхъ за усердную службу, дарили имъ села и деревни. Они забывали только, что если какой нибудь изъ ихъ слугъ и заслужилъ награду, такъ тѣ крестьяне, которыхъ назначаютъ въ даръ, ничѣмъ не заслужили наказанія. Они ничѣмъ не провинились передъ царемъ, за что бы слѣдовало ихъ лишать свободы: честно трудились

весь вѣкъ, платили подати, шли въ рекрутскіе наборы, служили царю вѣрой и правдой. Какой нибудь воевода или генералъ, который во время сраженія стоялъ гдѣ нибудь на пригоркѣ и отдавалъ приказанія, въ награду за побѣду получалъ богатыя населенныя вотчины и помѣстья. А тѣ солдаты, которые шли въ огонь и гибли сотнями и тысячами,—они что получали? Пожалуй, тоже "помѣстья," въ три аршина мѣрой, гдѣ нибудь на сельскомъ кладбищѣ; а ихъ вдовы и сироты однимъ почеркомъ царскаго пера за вѣрную службу отцовъ и мужей превращались въ крѣпостныхъ,—ихъ дарили, какъ какую нибудь вещь, иной разъ тому же счастливому воеводѣ или генералу. . . . Случалось, награждались придворные и за совсѣмъ особыя заслуги: одни за то, что во время умѣли хорошо разсмѣшить, потѣшить заскучавшаго царя; другіе за то, что были здоровенными и красивыми молодцами и успѣли приглянуться одной изъ тѣхъ царицъ, которыя щедро награждали своихъ любовниковъ землями и крѣпостными людьми, а мѣняли этихъ любовниковъ чаще, чѣмъ башмаки. . . .

Надъ другими крестьянами цари ставили "для порядку" особыхъ управителей изъ числа тѣхъ дармоѣдовъ, которыхъ всегда такъ много околачивалось при царскомъ дворѣ (отсюда произошло и слово *дворяне*, то-есть царская дворня). Эти управители должны были смотрѣть за порядкомъ по тѣмъ мѣстамъ, которыя имъ довѣрили (отсюда и слово "помѣстье"), творили тамъ судъ и расправу, слѣдили за отбываніемъ всякихъ службъ и повинностей. Впослѣдствіи этихъ временныхъ управителей постепенно сравняли въ правахъ съ тѣми владѣльцами, которымъ земли и крестьяне дарились въ вѣчное владѣніе, переходившее по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ ("вотчины"). Землю стали продавать и покупать сначала вмѣстѣ съ людьми, потомъ отдѣльно. Такъ явились на Руси эти "помѣщики," которые теперь называютъ кровную народную землю своей "законной собственностью.". . .

И послѣ этого они еще смѣютъ говорить, будто ихъ "обидѣли" освобожденіемъ крестьянъ! Да и крестьяне тоже нерѣдко по незнанію думаютъ, что имъ сдѣлано и невѣсть какое благодѣяніе: позволили *выкупать* свою же кровную землю! Да и то впрочемъ не всю: лучшая осталась

у помѣщиковъ, чтобы они могли на другой ладъ забирать въ свои лапы малоземельныхъ, отягощенныхъ податями крестьянъ!

А теперь скажемъ о податяхъ. Крестьянинъ за свою убогую десятину долженъ платить и поземельный государственный налогъ, и земскій, и выкупные платежи, и свои мірскіе. А помѣщики? Нечего и говорить, что они не платятъ выкупныхъ, хотя на самомъ то дѣлѣ, если кто у кого въ долгу за землю, такъ не крестьяне у помѣщиковъ, а наоборотъ. Не платятъ помѣщики ни гроша и на волость, хоть и пользуются услугами волостного и сельскаго начальства, волостныхъ судовъ и т. п. Все это лежитъ на однихъ крестьянахъ. И выходитъ, что кто имѣетъ меньше земли, тотъ больше платитъ съ десятины, а кто имѣетъ больше, тотъ платитъ меньше. И все это тоже "по закону." Нѣтъ, видно правду говоритъ пословица: законъ закону рознь, а иной просто хоть брось!

Словомъ, съ какой стороны ни взгляни, во всемъ помѣщику противъ крестьянина льгота, во всемъ крестьянинъ обдѣленъ въ пользу помѣщика. Немудрено, что народъ бѣдствуетъ, а дворяне и другіе крупные землевладѣльцы, прибравъ къ своимъ рукамъ землю, могутъ пользоваться мужицкой нуждой, за мѣдные гроши нанимать крестьянина на работу или втридорога сдавать ему въ аренду свою землю. Чуть не съ каждымъ годомъ арендная плата за десятину земли въ большинствѣ губерній растетъ и прибавляется, несмотря на то, что и хлѣбъ дешевѣетъ, и урожаи дѣлаются все хуже и хуже. Почему это? Да только потому, что крестьянамъ становится все тѣснѣе и тѣснѣе на своей землѣ, все сильнѣе и сильнѣе нужда въ арендѣ. Понятно, что когда земля нужна до зарѣзу, такъ за цѣной крестьянинъ не стоитъ и набавляетъ плату, сколько только можетъ. . . .

При такой тѣснотѣ да при такой нуждѣ, особенно въ неурожайные и голодные годы, когда нечѣмъ платить за аренду — денегъ нѣтъ — поневолѣ мужики начинаютъ по ночамъ, потихоньку, выгонять скотъ на помѣщичьи поля —не околѣвать же съ голоду скотинѣ, безъ которой нельзя обойтись въ крестьянскомъ хозяйствѣ! Если бы министръ объ этомъ какъ слѣдуетъ поразмыслилъ, то онъ понялъ

бы, что есть только одно средство водворить по деревнямъ тишину и порядокъ: облегчить крестьянскія подати, да прибавить земли крестьянамъ, чтобы не для чего имъ стало травить господскіе луга и рубить господскіе лѣса, а потомъ отсиживать за это по тюрьмамъ и острогамъ. Если бы у министра лежало сердце къ народу и народному горю, онъ не сталъ бы слушать только то, что ему нашептываютъ дворяне и купцы, а созвалъ бы со всей русской земли и мужицкихъ ходоковъ, уполномоченныхъ, потому что только они могутъ разсказать всю правду про горькую народную нужду, сказать, отъ чего и въ чемъ народъ терпитъ недостатокъ, чего онъ хочетъ, что ему нужно, какія нужны для его пользы и защиты законы, и распоряженія. Если бы министръ хотѣлъ дать народу вольнѣе, свободнѣе вздохнуть, онъ не сталъ бы ставить надъ крестьянами разныхъ начальниковъ изъ помѣщиковъ, въ родѣ земскихъ, которые никакъ не могутъ позабыть о хорошихъ для нихъ временахъ крѣпостного права. Онъ бы далъ право всему народу провѣрять, учитывать и въ случаѣ нужды смѣнять всѣхъ теперешнихъ начальниковъ, точно такъ же, какъ сельскій сходъ учитываетъ, смѣщаетъ и выбираетъ своихъ старостъ.

Но не о томъ думаетъ министръ и не о томъ онъ пишетъ губернаторамъ. Будемъ читать дальше его секретный циркуляръ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вотъ что пишетъ министръ:

Въ вышеприведенныхъ случаяхъ буйства и своеволія крестьянъ, мѣстныя власти были безсильны оказывать какое либо противодѣйствіе, и изъ боязни также по отношенію къ нимъ со стороны крестьянъ насилій, большею частью бездѣйствовали.

Подобныя безчинства крестьянъ, отнимая у частныхъ лицъ увѣренность въ личной и имущественной безопасности, свидѣтельствуютъ о недостаточной обезпеченности правильнаго и спокойнаго теченія общественной жизни и не могутъ не быть отнесены, до извѣстной степени, къ винѣ мѣстныхъ административныхъ и полицейскихъ властей, на обязанности коихъ лежитъ своевременное устраненіе возникающихъ на этой

почвѣ недоразумѣній и твердое охраненіе общественной безопасности и спокойствія.

Все это—старыя погудки на новый ладъ. Всѣ помѣщики стараго закала, которые спятъ и во снѣ видятъ благодатныя для нихъ времена крѣпостного права, давно на всѣ лады твердятъ: "мужика испортили, распустили въ конецъ, развратили . . . на него теперь никакой управы нѣтъ . . . все начальство потатчики.". . . Съ ихъ голоса ту же пѣсню запѣлъ и министръ. Ему уже представилось, что начальство само побаивается мужиковъ и дѣйствительно допускаетъ ихъ причинять вредъ помѣщикамъ. По крайней мѣрѣ онъ спѣшитъ подбодрить своихъ подчиненныхъ и напомнить имъ, чтобы они спуску крестьянамъ не давали. Только онъ, конечно, не пишетъ по просту, безъ обиняковъ и на чистоту—"чуть что—гнуть мужика въ бараній рогъ!" а нагоняетъ туману все самыми мудреными словами: "твердое охраненіе общественной безопасности и спокойствія," "увѣренность частныхъ лицъ въ своей личной и имущественной безопасности," "обезпеченность правильнаго и спокойнаго теченія общественной жизни.". . . А суть дѣла все та же. Чуть затронули дворянъ и богатыхъ купцовъ—министръ тотчасъ встрепенулся и пошла писать губернія! Это не то, что напримѣръ мужикъ—того пускай за неисполненіе условія передъ помѣщикомъ или за недоимку сколько угодно порютъ розгами при волости: мужицкая шкура дешева, для ея защиты министръ строчить циркуляровъ не станетъ!

Если еще не ясно, въ чью сторону гнетъ министръ, будемъ читать дальше и тогда убѣдимся воочію. Вотъ что дальше онъ пишетъ:

Вслѣдствіе сего, признавая настоятельно необходимымъ положить предѣлъ столь нежелательному своеволію крестьянскаго населенія по отношенію къ помѣщикамъ и ихъ имуществу,—имѣю честь просить Васъ, Милостивый Государь; принимать *самыя рѣшительныя мѣры* къ предотвращенію и подавленію всякаго проявленія какихъ либо насильственныхъ дѣйствій со стороны сельскаго населенія и всѣхъ виновныхъ въ самоуправствѣ и насиліи привлекать немедленно къ законной отвѣтственности.

Какія же это "самыя рѣшительныя мѣры?" Что новаго придумалъ министръ? Кажется, и безъ того мужика не мало "подтягивали," и "забирали въ ежевыя рукавицы"; и безъ того онъ не мало испыталъ на своей спинѣ всякихъ "рѣшительныхъ мѣръ." Въ концѣ концовъ всѣ начальства и власти вѣдь только для того и существуютъ, чтобы держать мужиковъ въ повиновеніи и стричь ихъ, какъ овецъ. А тутъ еще министръ грозится какими то новыми, особенными, "самыми рѣшительными мѣрами!"

Посмотримъ же, что это за мѣры.

Въ этихъ видахъ слѣдуетъ указать, по принадлежности, земскимъ начальникамъ, непремѣннымъ членамъ крестьянскихъ присутствій, мировымъ посредникамъ и проч., а также всѣмъ членамъ полиціи:

(1) усилить наблюденіе на ярмаркахъ, базарахъ и вообще всякаго рода мѣстахъ скопленія крестьянскаго люда.

Такова первая мѣра. Министръ, какъ видно, тонко понимаетъ дѣло и знаетъ, какую нужно вести линію съ крестьянами. Очевидно, онъ слыхалъ, что изъ мужиковъ поодиночкѣ хоть веревки вей — каждый будетъ смирнѣе и послушнѣе овцы. На міру дѣло другое, на міру, говорятъ, и смерть красна: тутъ каждый становится смѣлѣе и несговорчивѣе, потому что каждый чувствуетъ, что онъ не одинъ. Міръ—великъ человѣкъ, говоритъ пословица. Недаромъ поэтому министръ приказываетъ особенно слѣдить за крестьянскимъ и рабочимъ людомъ тамъ, гдѣ онъ собирается въ большомъ числѣ. Вѣдь тутъ можно столковаться, чтобы сообща, разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ приняться и начать "своими средствами" выкуривать помѣщиковъ, міроѣдовъ и другихъ народныхъ піявокъ изъ ихъ насиженныхъ гнѣздъ. Тогда уже шутки будутъ плохія. . . . И вотъ теперь, заранѣе, губернаторы, земскіе начальники, исправники и становые начнутъ, вѣроятно, посылать переодѣтыхъ полицейскихъ и разныхъ наемныхъ соглядатаевъ толкаться по базарамъ, ярмаркамъ и мѣстамъ наемки сельскихъ рабочихъ, прислушиваться къ народной молвѣ да выслѣживать смѣлыхъ людей, говорящихъ вольныя рѣчи о помѣщикахъ и о начальствѣ. . . . Пусть же знаетъ крестьянскій и рабочій народъ, что за нимъ велѣно смотрѣть въ оба; пусть

онъ остерегается помѣщичьихъ и начальственныхъ лизоблюдовъ, которые готовы доносить властямъ на всякаго мужицкаго доброхота и за мѣдный грошъ продать міръ и мірской интересъ!

Дальше министръ совѣтуетъ губернаторамъ

(2) внимательно слѣдить за взаимными отношеніями крестьянъ къ землевладѣльцамъ и арендаторамъ и своевременно принимать мѣры къ устраненію поводовъ къ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по особенностямъ экономическихъ условій, такія недоразумѣнія могутъ возникнуть.

Какъ видите, министра не нужно особенно учить, отчего въ деревняхъ у крестьянъ съ помѣщиками бываютъ нелады: онъ самъ прекрасно понимаетъ, что это не отъ простого озорства, а что всегда на это есть какія нибудь особенныя причины—"особенности экономическихъ условій," какъ онъ пишетъ. Такъ вотъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть эти "особенности экономическихъ условій,"—а по просту говоря, гдѣ мужику особенно плохо живется — министръ велитъ властямъ "смотрѣть въ оба." А для этого министръ дальше совѣтуетъ:

(3) установить особенное наблюденіе за сельскими адвокатами, за пришлыми людьми, не имѣющими опредѣленныхъ занятій, за высланными изъ другихъ мѣстностей *агитаторами* или порочными людьми и за тѣми изъ мѣстныхъ крестьянъ, которые по ихъ буйному и неодобрительному поведенію склонны дѣйствовать насильно и потому могутъ вредно вліять на сообщественниковъ.

"*Агитаторами*" начальство называетъ такихъ людей между крестьянами и рабочими, которыхъ товарищи слушаются за ихъ умъ и смѣлость, и которые всегда первые готовы постоять за товарищество, за міръ и за ихъ права. Такіе люди начальству не по нраву, потому что съ ними всегда много хлопотъ. Не по нраву они и разнымъ піявкамъ—деревенскимъ кулакамъ и міроѣдамъ, помѣщичьимъ управляющимъ, кабатчикамъ, фабрикантамъ и другимъ толстосумамъ. Мірской человѣкъ всегда наровитъ встать поперекъ горла всѣмъ этимъ паукамъ, которые такъ хитро раскидываютъ надъ рабочими людьми свои тенета. Поэтому

для нихъ нѣтъ людей хуже, чѣмъ эти *"агитаторы"*: и смутьяны то они, и буйные люди, и неодобрительнаго поведенія, и зачинщики всякаго бунта. Извѣстно, что на ихъ аршинъ всякое желаніе крестьянства постоять за свои права, не дать себя въ обиду — уже бунтъ: такъ они привыкли, чтобы крестьяне во всемъ имъ поддавались, какъ безсловесная скотина!

Кромѣ того, *агитаторами* называютъ также и всѣхъ народныхъ доброхотовъ изъ образованныхъ людей, которые стараются раскрыть народу глаза и совѣтуютъ ему самому взяться защищать свои права. За ними тоже министръ приказываетъ слѣдить построже.

Но любопытно, что для министра, не меньше чѣмъ агитаторы, кажутся подозрительными огуломъ всѣ сельскіе адвокаты: за всѣми ими онъ велитъ учредить надзоръ! Оно и понятно: вѣдь это люди, которые имѣютъ понятіе о законахъ, и, стало быть, могутъ иной разъ объяснить мужику, что съ нимъ поступаютъ неправильно. Вотъ это министру не нравится: куда легче поступать съ мужикомъ, когда онъ ни о какихъ законахъ не знаетъ и разсуждать о своихъ правахъ не привыкъ. Нѣтъ, рѣшаетъ министръ, мужикамъ вредно много знать о законахъ: пожалуй, заберутъ себѣ въ голову всякую фанаберію, начнутъ добиваться разныхъ "правъ," а тогда съ нимъ хлопотъ не оберешься. Лучше заранѣе посматривать за всѣми этими сельскими адвокатами: совсѣмъ они въ деревнѣ не у мѣста, только напрасно народъ смущаютъ. И вотъ министръ пишетъ:

Въ случаѣ обнаруженія подстрекательствъ со стороны такихъ людей къ безпорядкамъ или возбужденія ими вообще въ крестьянской средѣ неосновательныхъ толковъ и домогательствъ, такихъ лицъ надлежитъ безотлагательно подвергать аресту въ порядкѣ Положенія объ Охранѣ и краткое изслѣдованіе объ ихъ дѣятельности представлять мнѣ, для удаленія ихъ изъ данной мѣстности.

"Подвергать аресту въ порядкѣ Положенія объ Охранѣ. . . ." Что это значитъ?

А значитъ это вотъ что. Нашимъ правительствомъ давно уже было составлено и утверждено подписью государя особое "положеніе" объ усиленной военной и полицейской

охранѣ неспокойныхъ мѣсностей. Такая охрана вводится, напримѣръ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ живетъ какой нибудь покоренный, подвластный русскому царю чужой народъ, если онъ не хочетъ подчиняться, бунтуется, хочетъ опять жить на своей полной волѣ. Какъ только объявлена мѣстность на положеніи охраны, губернаторамъ тотчасъ же дается особая власть когда угодно и кого угодно засаживать въ тюрьму, высылать изъ данной мѣстности, производить обыски и аресты; и все это безъ всякой явной вины, по одному подозрѣнію, по одному доносу любого ябедника.

Но только ли съ покоренными чужими народами, прежними "врагами русской земли," распоряжаются на основаніи, "Положенія объ Охранѣ?" Нѣтъ, далеко не такъ! Въ послѣднее время на томъ же "Положеніи" объявленъ цѣлый рядъ коренныхъ русскихъ городовъ, въ которыхъ есть много фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Почему же это? Дѣло въ томъ, что среди этихъ рабочихъ въ послѣднее время все чаще и чаще идутъ стачки, забастовки, а иногда и прямые бунты противъ хозяевъ. Рабочіе, сговорившись заранѣе, разомъ всѣ бросаютъ свои инструменты, машины; фабрика останавливается; забастовщики грозятся, что не возьмутся за работу до тѣхъ поръ, пока имъ не прибавятъ плату, или пока не уменьшатъ срока работы, или пока не прекратятъ какихъ нибудь прижимокъ. Остановка фабрики для хозяина чистый убытокъ; покладистый хозяинъ идетъ на мировую съ рабочими и дѣлаетъ имъ льготу, а непокладистый жалуется начальству, которое всегда держитъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ сторону хозяевъ. У насъ изданъ даже особый законъ, по которому забастовки рабочихъ строго запрещены; поэтому при забастовкахъ по жалобѣ хозяина тотчасъ же является начальство, иногда даже войска, рабочихъ начинаютъ разгонять, хватать, самыхъ умныхъ и смѣлыхъ ("агитаторовъ") высылать или сажать въ тюрьмы. Понятно, что рабочіе смотрятъ на начальство очень косо. Многіе изъ нихъ уже теперь прямо говорятъ, что наше нынѣшнее правительство есть правительство богачей и въ угоду имъ притѣсняетъ рабочихъ людей, что его нужно за это сверху до низу перемѣнить, отставить отъ власти, а на его мѣсто назначить по свободному народному выбору новое и обязать его, чтобы оно во всемъ такъ же слушалось

и спрашивалось народа, какъ хорошій сельскій староста слушается своего общества. Эти работники, дальше, прямо говорятъ, что и вся земля, и всѣ фабрики должны принадлежать тѣмъ, кто на нихъ работаетъ,—должны быть общей народной собственностью. Неудивительно, что послѣ этого и богачи, и начальство глядятъ на такихъ рабочихъ, какъ на своихъ злѣйшихъ враговъ, хуже, чѣмъ на бусурманъ. Такъ и называютъ этихъ людей "внутренними врагами." Вотъ, стало быть, противъ кого вводятъ часто положеніе объ охранѣ во многихъ коренныхъ русскихъ городахъ.

Какой же, значитъ, смыслъ имѣютъ слова министерскаго циркуляра? Министръ предоставляетъ губернатору право въ любой деревнѣ поступать, какъ только ему заблагоразсудится, на основаніи Положенія объ Охранѣ! Иными словами, вся сермяжная, деревенская Русь теперь для начальства будетъ чѣмъ то въ родѣ завоеванной страны, а всѣ мужики—чѣмъ то въ родѣ покоренныхъ враговъ, съ которыми можно распоряжаться по военному, безъ закона, безъ суда, безъ всякихъ церемоній и проволочекъ. Кто для начальства не угоденъ, того оно, по совѣту министра, можетъ "*безотлагательно*" засадить въ острогъ, потомъ представить только "*краткое разслѣдованіе*" объ его вредной дѣятельности министру,—а затѣмъ ужъ отъ министра выйдетъ окончательное распоряженіе, куда сослать "агитатора." Такъ таки прямо министръ и приказываетъ дѣлать разслѣдованіе *покороче*—досугъ ли ему подробно разбирать мужицкія вины, стоитъ ли долго возиться съ "сиволапыми!" Разъ, два, три—и готово!

Теперь нетрудно сообразить, почему министръ отправилъ свой циркуляръ губернаторамъ подъ строгимъ секретомъ, почему онъ не хотѣлъ, чтобы объ этомъ циркулярѣ знала вся грамотная Русь. Понятно, что если бы онъ былъ справедливый и правильный, такъ не для чего было бы съ нимъ и прятаться. Но министръ самъ чувствуетъ, что слишкомъ ужъ явно онъ кривитъ душой въ пользу помѣщиковъ и толстосумовъ. Какъ онъ ни напускалъ туману разными мудреными словами и обиняками, а все таки всякій кто только прочитаетъ циркуляръ, пойметъ, что это новая выдумка противъ крестьянства, новая штука для того, чтобы вернуть старыя времена, когда крестьянинъ

считался "черная кость," а баринъ, чиновникъ, купецъ — "бѣлая кость," когда бѣлая кость могла творить съ черной костью все, что угодно. Понятно, министръ побаивается, какъ бы народъ не разузналъ про это раньше времени и не принялъ свои мѣры. . . . Да только, къ счастью, не все то, что хочется министрамъ, имъ удается. Нашлись такіе тайные доброжелатели народа, которые потихоньку передали намъ этотъ циркуляръ,—и теперь, отпечатанный вмѣстѣ съ нашими разъясненіями, онъ будетъ гулять по всему лицу земли русской. Пусть всѣ знаютъ, какъ наши министры заботятся о крестьянахъ!

Однако, дочитаемъ терпѣливо циркуляръ до конца. Въ немъ указана еще одна мѣра вразумленія крестьянъ и предупрежденія безпорядковъ.

(4) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ среди сельскаго населенія возникло извѣстное броженіе,* слѣдуетъ объявлять крестьянамъ, что насиліе и самоуправство не могутъ быть оправданы никакими побудительными причинами, † и что за совершеніе таковыхъ виновные будутъ неуклонно подвергаться строгой отвѣтственности, при чемъ если волненіе принимаетъ угрожающій характеръ, то Вашему Превосходительству надлежитъ посылать на мѣсто для вразумленія крестьянъ довѣренныхъ лицъ или вице-губернатора, а въ случаяхъ болѣе серьезныхъ выѣзжать самому, и, буде представится въ томъ необходимость, вызывать немедленно и воинскую команду, для прекращенія въ самомъ зачаткѣ волненія, могущаго выразиться въ формѣ явнаго буйства и насилія.

Раньше войска посылались въ деревню только въ томъ случаѣ, если крестьяне дѣйствительно бунтовали, то-есть вооружались и начинали бить властей или помѣщиковъ. Теперь губернатору дано больше свободы: хотя бы ему только померещилось, что гдѣ нибудь крестьянское недовольство можетъ кончиться безпорядками, и ему дадутъ военную команду для устрашенія недовольныхъ. . . . Мужикъ долженъ всегда и всѣмъ быть доволенъ; онъ не долженъ ничего самъ хотѣть; начальство за него все знаетъ и рѣшаетъ

* Слово *броженіе* означаетъ волненіе, смуту.

† То-есть: хотя бы крестьянъ принудили къ волненіямъ самыя злыя насилія и угнетенія; это для нихъ не послужитъ въ оправданіе: ихъ накажутъ все равно, какъ если бы они бунтовали изъ простого озорства.

— чего ему нужно и чего не надо. . . . Если же мужикъ будетъ роптать, волноваться, безпокоить начальство, то министръ предлагаетъ лѣчить его военнымъ постоемъ.

Ну, а если это не поможетъ? Читаемъ дальше:

Въ случаѣ возникновенія открытыхъ безпорядковъ слѣдуетъ принимать мѣры къ *быстрому* и *рѣшительному* ихъ подавленію . . .

Коротко и ясно. На то и дается губернатору войско,— то самое войско, которое набирается изъ крестьянскихъ сыновъ и содержится на крестьянскія деньги. . . . И эти крестьянскія сыновья будутъ усмирять своихъ же отцовъ,* своего же брата-мужика . . . быть можетъ, даже стрѣлять въ нихъ, какъ въ чужеземныхъ враговъ. А все для чего? Только для того, чтобы они покорно гнули спину передъ помѣщиками, богачами и начальствомъ; чтобы имъ покойнѣе было ѣздить на многострадальной мужицкой спинѣ!

Самое главное сказано. Теперь министру остается прибавить немногое: какъ поступать губернаторамъ послѣ усмиренія безпорядковъ.

. . . при болѣе серьезныхъ нарушеніяхъ порядка обязательно командировать на мѣсто происшествія вице-губернатора, или выѣзжать лично, При этомъ губернской администраціи надлежитъ подвергать зачинщиковъ безпорядковъ и участниковъ буйства, впредь до прибытія судебной власти, немедленному заарестованію, на основаніи Положенія объ Охранѣ, и требовать отъ полиціи самаго тщательнаго разслѣдованія обстоятельствъ, вызвавшихъ безпорядокъ и уличающихъ задержанныхъ лицъ, дабы представить судебной власти болѣе полный матеріалъ для быстраго производства предварительнаго слѣдствія и успѣшнаго разрѣшенія судебнаго преслѣдованія виновныхъ.

Министръ, видимо, не особенно довѣряетъ судебнымъ властямъ. Это—совсѣмъ другое вѣдомство, тамъ сидятъ

* На самомъ дѣлѣ, конечно, почти никогда не бываетъ, чтобы дѣйствительно, солдатъ-сынъ стрѣлялъ въ своего собственнаго мужика-отца. Начальство хорошо понимаетъ, что на своихъ у солдата не поднялась бы рука; и поэтому рекрута всегда отсылаютъ далеко отъ родимой стороны. . . . Да развѣ это не то же самое, если здѣсь какой нибудь москвичъ усмиряетъ воронежца, а тамъ воронежецъ—москвича? Въ концѣ концовъ —все тоже: сами себя усмиряютъ!

часто законники, которые, пожалуй, постѣснятся такъ прижать крестьянъ при разслѣдованіи, какъ этого хотѣлось бы министру. То ли дѣло—полиція: у нея дѣло всегда выйдетъ гораздо крѣпче. Поэтому министръ и требуетъ, чтобы полиція не дожидалась пріѣзда слѣдователей и прокурора, а торопилась сама произвести всѣ разысканія и передать имъ дѣло ужъ готовымъ. Тогда—надѣется министръ—преслѣдованіе виновныхъ пойдетъ скорѣе и кончится успѣшнѣе.

Ну, а если судъ все таки накажетъ виновныхъ недостаточно строго? Если они вскорѣ опять вернутся въ деревню, да еще, пожалуй, опять начнутъ горой стоять за крестьянскія права? И вотъ на этотъ случай министръ приписываетъ:

По отбытіи виновными наложеннаго на нихъ въ судебномъ порядкѣ наказанія, Вашему Превосходительству надлежитъ входить въ обсужденіе вопроса о необходимости, въ видахъ предупрежденія новыхъ безпорядковъ, временнаго удаленія такихъ лицъ изъ мѣстностей, гдѣ проявилось ихъ вредное вліяніе на окружающую среду, о чемъ и предоставить на мое усмотрѣніе.

Стало быть, губернаторъ сообща съ министромъ будутъ еще надбавлять наказаніе осужденнымъ за крестьянскіе безпорядки, сверхъ того, что полагалось имъ по закону и было назначено судомъ.

Ну, а если крестьяне съумѣютъ такъ воевать съ помѣщиками и вредить имъ, что ни съ какой стороны къ нимъ нельзя будетъ придраться? Если они съумѣютъ такъ ловко вести свою линію, или просто такъ умѣло хоронить концы въ воду и не выдавать другъ друга, что ихъ нельзя будетъ наказать ни по какому закону, нельзя будетъ судить никакимъ судомъ? О, министръ заранѣе позаботился и объ этомъ:

Въ случаяхъ, когда произведенные безпорядки, по ихъ характеру, не будутъ соотвѣтствовать признакамъ преступныхъ дѣяній, подлежащихъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ установленій—Вашему Превосходительству слѣдуетъ поступать порядкомъ, указаннымъ въ пунктѣ 3 сего циркуляра.

А въ пунктѣ третьемъ говорилось о томъ, что губернаторъ можетъ, не доводя дѣло до суда, распоряжаться на

основаніи Положенія объ Охранѣ, даже въ той мѣстности, гдѣ "положеніе" это совсѣмъ и не вводилось. По просту говоря, министръ совѣтуетъ губернатору законами не стѣсняться: гдѣ нельзя скрутить мужиковъ по закону, тамъ бросай законъ подъ лавку, ворочай имъ, какъ вздумается: законы-де писаны не для крестьянъ, а для кого почище!

Итакъ, министръ все обдумалъ, обо всемъ позаботился, сплелъ цѣлую сѣть ухищреній противъ крестьянства. Оставалось только приструнить губернаторовъ, чтобы они хорошенько исполняли всѣ его совѣты и наставленія. Для этого подъ конецъ министръ грозитъ самимъ губернаторамъ, что они будутъ отвѣчать передъ нимъ за всѣ упущенія, и что онъ "съ особенной строгостью" будетъ обходиться съ тѣми изъ нихъ, кто не съумѣетъ вести себя такъ, какъ желательно министру.

Возлагая своевременное принятіе мѣръ по предупрежденію и прекращенію безпорядковъ на личную отвѣтственность господъ начальниковъ губерніи, считаю необходимымъ присовокупить, что во всѣхъ случаяхъ проявленія безпорядковъ, насилій и буйствъ, въ извѣстной мѣстности, министерство съ особенной строгостью будетъ относится къ вопросу объ отвѣтственности должностныхъ лицъ, на обязанности коихъ лежала ближайшая забота о предупрежденіи безпорядковъ.

Слѣдуютъ подписи министра внутреннихъ дѣлъ и директора департамента полиціи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Итакъ, мы теперь прочитали до конца весь циркуляръ министра и обдумали въ немъ каждое слово. Теперь мы видимъ, какъ наши министры заботятся о крестьянствѣ. Мы видимъ, что у насъ на Руси для крестьянъ есть два закона. Одинъ законъ—это тотъ, о которомъ намъ громко говорятъ во всѣхъ присутствіяхъ, который печатаютъ и разсылаютъ для всеобщаго свѣдѣнія. А другой законъ — потайной, который секретно разсылаютъ за подписью министра губернаторамъ въ обходъ и въ отмѣну явнаго закона.

Почему же министръ внутреннихъ дѣлъ, этотъ первый и самый довѣренный царскій слуга, пускается на такія штуки? Отчего онъ дѣйствуетъ заодно съ богатыми и сильными противъ бѣдныхъ и слабыхъ? Развѣ для этого онъ поставленъ государемъ?

Частенько говорятъ намъ попы въ церквахъ, а иные досужіе люди даже въ книжкахъ, что одинъ богъ на небѣ, одинъ царь на Руси; что богъ—это небесный царь, а царь—это земной богъ; что царь помазанъ на царство самимъ богомъ, и что всѣ прочія власти тоже "отъ бога." Это все хорошо; только какъ же это выходитъ, что народъ видитъ такъ мало хорошаго, а все только одно дурное отъ этихъ властей, которыя, будто бы, чуть не поголовно все божьи ставленники и приказчики? Полно, нѣтъ ли здѣсь какого нибудь обману?

И прежде всего, правда ли, что нами управляетъ по своей верховной волѣ одинъ царь? Раскинемъ-ка своимъ человѣческимъ разумомъ, не справляясь съ тѣмъ, что намъ вычитываютъ по своимъ книжкамъ священники. Вѣдь это легко сказать—одинъ самодержавный и единодержавный царь. Вѣдь для того, чтобы одному человѣку управлять цѣлымъ царствомъ, ему надо знать это царство вдоль и поперекъ, надо видѣть все, что въ немъ творится: видѣть всякую неправду, всякую обиду и всякую слезу обиженнаго, слышать всякій вздохъ несчастнаго и голоднаго. Сколько же для этого надо имѣть глазъ и ушей? Стоитъ только подумать, какъ велико русское царство; сколько въ немъ живетъ разныхъ народовъ—и всѣ говорятъ на разныхъ языкахъ, вѣруютъ въ разныхъ боговъ, живутъ каждый на свой ладъ. Мыслимое ли дѣло съ такой махиной управиться одному человѣку? Да будь онъ хоть семи пядей во лбу, у него вездѣ будутъ прорѣхи. Здѣсь дѣлу не поможетъ то, что ему въ церкви торжественно будутъ мазать церковнымъ масломъ лобъ и назовутъ "Божьимъ помазанникомъ." Въ концѣ концовъ, чтобы справиться съ дѣлами, онъ все таки наставитъ вокругъ себя министровъ, выбравши ихъ изъ тѣхъ людей, которыхъ онъ видѣлъ вокругъ себя съ самаго дѣтства, которые его воспитывали и которыхъ онъ привыкъ даже уважать, какъ людей старыхъ и опытныхъ. А тамъ ужъ дѣло пойдетъ, какъ подъ гору: за министрами

станутъ ихъ помощники, секретари, директоры и управляющіе департаменгами, канцеляріями и присутствіями; выростутъ, какъ грибы послѣ дождя, губернаторы и вице-губернаторы, полиціймейстеры и исправники, земскіе начальники и становые, съѣзды и палаты, — и подѣлятъ они между собой на клочки всю самодержавную власть. . . . Что же въ концѣ концовъ останется тому человѣку, который носитъ названіе "Государя Императора," садится въ важныхъ случаяхъ на пышный тронъ и надѣваетъ на голову золотую корону? Да только и остается, что пышный дворецъ, милліонное жалованье, да подписи подъ самыми важными бумагами. Министры и прочія начальства, — это и глаза, и уши, и руки царевы; безъ нихъ царь — то же, что человѣкъ безъ глазъ, безъ ушей и безъ рукъ. Какой же онъ послѣ этого можетъ быть "самодержецъ"? Это только одно пустое слово, одна вывѣска, которой прикрывается многоголовая стая важныхъ чиновниковъ,* — у нихъ въ рукахъ вся власть, и они воображаютъ себѣ, что народъ существуетъ для нихъ, а не они для народа. Единодержавія у насъ на Руси и нѣтъ, да и быть не можетъ. У насъ не одинъ самодержецъ, а сотни и тысячи маленькихъ самодержцевъ, получившихъ помазаніе, да только не отъ бога, а другъ отъ друга, низшій отъ высшаго. Это цѣлая сѣть, цѣлый неводъ: къ краямъ онъ расширяется, къ мотнѣ съуживается; куда тащится весь неводъ, туда за нимъ волочится и мотня. Какъ водится, часть добычи завязаетъ по краямъ, а больше всего, конечно, набивается въ мотнѣ. Такимъ то вотъ огромнымъ чиновничьимъ неводомъ и захвачена со всѣхъ сторонъ вся крестьянская, рабочая, народная Русь.

Посмотримте вокругъ себя: развѣ это не такъ? Губернаторъ держитъ себя маленькимъ царькомъ въ губерніи, земскій начальникъ — въ участкѣ. Даже какой нибудь урядникъ, и тотъ корчитъ изъ себя начальство, какъ поется въ одной пѣснѣ:

Всякій бутарь звалъ себя съ начальствомъ
Малыимъ начальствомъ;
Знать, и этихъ, праведный ты Боже,
Мазалъ масломъ тоже!

---

* На языкѣ образованныхъ людей она обыкновенно называется "бюрократія."

А изъ кого же набираются эти многочисленные самодержцы? Ближе къ царю стоятъ все больше князья, да графы—и все это богатѣйшіе помѣщики, каждый изъ нихъ владѣетъ не однимъ десяткомъ тысячъ десятинъ земли. Всѣ эти графы Воронцовы-Дашковы, князья Волконскіе, графы Бобринскіе, Трубецкіе, Строгоновы, Нарышкины — они то и занимаютъ самыя близкія къ царю мѣста, самые высшіе придворные чины, съ ними то и дѣлитъ хлѣбъ-соль самъ царь. Да и какъ же иначе? Знаете ли вы, кто на Руси самый богатый помѣщикъ? Его фамилію вы много разъ слыхали и сами произносили: это Романовъ, это никто иной, какъ самъ царь нашъ. Онъ лично со своимъ семействомъ владѣетъ и пользуется доходами съ 7,400,000 десятинъ удобной и плодородной земли (сразу не всякій и прочитаетъ: почти что семь съ половиной милліоновъ десятинъ!). Это только въ самой Россіи, не считая Сибири. А тамъ въ одномъ только Алтайскомъ округѣ у царя сорокъ милліоновъ десятинъ земли, большей частью богатѣйшаго чернозема. Всѣ эти земли называются удѣльными, и для управленія и хозяйствованія надъ ними царь содержитъ цѣлый штатъ чиновниковъ. И они хозяйничаютъ, не хуже, чѣмъ управляющіе у прочихъ помѣщиковъ. Вотъ, напримѣръ, изъ Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губерніи сообщали въ газеты, что тамъ въ 1899 году поздней осенью въ мѣстности, переживавшей голодовку, на огромномъ пространствѣ лежалъ въ полѣ и портился ржаной хлѣбъ: крестьяне задолжали удѣльному вѣдомству арендную плату, и хлѣбъ былъ задержанъ въ полѣ. Въ концѣ того же 1899 года судили за безпорядки крестьянъ-арендаторовъ въ имѣніи одного изъ великихъ князей на Кавказѣ: несчастные были совсѣмъ разорены и оказали сопротивленіе полиціи, которая выселяла ихъ изъ ихъ домишекъ, находившихся на "великокняжеской" землѣ. . . . Въ началѣ октября нынѣшняго 1891 года въ царскомъ имѣніи "Ливадія," что на берегу Крыма, забастовало съ полсотни рабочихъ: не стерпѣли обидъ и притѣсненій. Ихъ донимали и штрафами, и постоянной ругней, и зажиливаньемъ денегъ. Такъ-то получаются царскіе доходы!

Недаромъ же прадѣдъ нынѣшняго государя, императоръ Николай Павловичъ, самъ себя называлъ "петербургскимъ

помѣщикомъ." Недаромъ и сынъ его, Александръ Николаевичъ, въ свое время, успокаивалъ помѣщиковъ, встревоженныхъ слухами объ отмѣнѣ крѣпостного права, и говорилъ, что онъ ихъ тоже при освобожденіи не обидитъ, потому что онъ самъ—первый дворянинъ русскаго царства.

А вотъ послушайте, какъ любезничаютъ промежду собой нашъ будущій царь, нынѣ государь наслѣдникъ Михаилъ Александровичъ и русскіе дворянчики. 5-го января прошлаго года Наслѣдникъ пріѣзжалъ въ свое новокупленное имѣніе, помѣстье Брасово Орловской губерніи. Натурально, его встрѣчали съ хлѣбомъ-солью предводитель дворянства и прочіе помѣщики. Наслѣдникъ черезъ нѣсколько времени посылаетъ предводителю изъ своей помѣщичьей экономіи такую телеграмму:

Орелъ, губернскому предводителю. Передъ выѣздомъ за предѣлы Орловской губерніи мнѣ пріятно выразить въ Вашемъ лицѣ всѣмъ дворянамъ губерніи мою искреннюю признательность за радушную русскую встрѣчу при первомъ посѣщеніи моихъ новыхъ помѣстій.

Орловскій помѣщикъ МИХАИЛЪ.

Понятно, какъ взыграли помѣщичьи сердца при такомъ привѣтствіи. Тотчасъ же предводитель дворянства настрочилъ ему отвѣтную телеграмму, прописавъ про "чувства восторженной признательности" всего "польщеннаго и осчастливленнаго дворянства," которое "радостно гордится милостивой лаской Августѣйшаго орловскаго помѣщика." Еще бы нѣтъ! Вѣдь совсѣмъ родня! То-то новыя щедроты изъ народныхъ денегъ начнутъ изливаться на дворянъ, когда этотъ самый "орловскій помѣщикъ" водворится на престолѣ! Оно, положимъ, и теперь у дворянъ съ царемъ все сообща: и печки, и лавочки. Ну, а теперь можно быть спокойными и на предбудущее время: господинъ "Государь Наслѣдникъ" самъ себя предпочитаетъ звать не наслѣдникомъ, а "орловскимъ помѣщикомъ." * Свой человѣкъ всѣмъ царствомъ правитъ—чего же еще лучше!

---

* И телеграмму "орловскаго помѣщика Михаила" и отвѣтную телеграмму дворянскаго предводителя всѣ могутъ прочитать своими глазами: онѣ были напечатаны сначала въ Орловскомъ Вѣстникѣ, а затѣмъ перепечатаны въ Русскихъ Вѣдомостяхъ, № 16 отъ 16 января 1901 года.

А знаете ли вы кто у нась на Руси самый богатый, самый крупный винный заводчикъ? Опять таки все онъ же, нашъ государь императоръ Николай II. Вѣроятно, всѣ видѣли или по крайней мѣрѣ слыхали про вина удѣльнаго вѣдомства. Это и есть вина, приготовляемыя во владѣніяхъ царской фамиліи. Доходъ отъ нихъ тоже идетъ не въ общую государственную казну, а въ кошелекъ царскаго семейства. Кромѣ того, ему принадлежитъ не мало и еще разныхъ фабрикъ и заводовъ, для примѣра взять хотя бы сахарный заводъ Романовскаго товарищества въ Кіевской губерніи, или Средне-уральскій стеклянный заводъ и многіе другіе.

Каково живется рабочимъ на этихъ заводахъ? А вотъ, для примѣра, какіе порядки мы находимъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ въ селѣ Александровскомъ, близъ Петербурга, по Шлиссельбургскому тракту. Директоромъ на заводѣ—генералъ Гурьевъ и съ рабочими расправляется по военному. Когда человѣкъ 15 точильщиковъ вздумали было жаловаться на него и явились за этимъ куда слѣдуетъ (въ " собственный его Величества кабинетъ" —такъ называется канцелярія, гдѣ чиновники разбираютъ жалобы, направляемыя прямо на царское имя) такъ ихъ тотчасъ за " бунтъ скопомъ " забрали, засадили, а потомъ этапнымъ порядкомъ выслали по мѣстамъ жительства. Фабричный инспекторъ, обязанный слѣдить, чтобы рабочихъ не обижали, и коснуться не смѣетъ порядковъ на " собственной его Величества " фабрикѣ. И вотъ всѣ законы о фабричномъ трудѣ на ней постоянно обходятся и нарушаются. Выходитъ, царь самъ подаетъ примѣръ неуваженія къ закону. Плата на заводѣ задѣльная, но при каждомъ разсчетѣ рабочему сбавляютъ нѣсколько рублей — иногда 10, 15, даже 20 — съ тѣхъ денегъ, какія причитаются на его долю. Это по усмотрѣнію генерала: всталъ онъ съ постели въ этотъ день лѣвой ногой, либо нездоровится ему, либо погода дурная—значитъ, вычеты будутъ больше. За всякій пустякъ—за прогулъ, за нетрезвость, за порчу какого нибудь фарфороваго издѣлія рабочихъ сажаютъ на половинный задѣлъ. Бывало, что на половинный задѣлъ сажали на нѣсколько мѣсяцевъ, на полгода, одного рабочаго даже на цѣлый годъ. А чтобы рабочіе не сбѣжали съ

"собственнаго его Величества" завода, тамъ придумана такая штука: заведена касса, въ которую "по добровольному согласію" рабочіе отдаютъ по 3 коп. съ каждаго заработаннаго рубля; изъ этой кассы выдаются по 20 рублей на каждое рожденіе, смерть или свадьбу, а въ случаѣ, если рабочій дослужится до полной неспособности къ труду— такъ и пенсію. Ежели кто "добровольно" не захочетъ участвовать въ кассѣ, такъ его тотчасъ уволятъ. А кто платилъ въ кассу много лѣтъ—тому жалко отданныхъ туда денегъ, вотъ онъ и терпитъ всѣ притѣсненія, чтобы только не потерять своего же добра. Около 200 рабочихъ и 100 служащихъ закабалено такимъ манеромъ на этомъ заводѣ, принадлежащемъ царской фамиліи и работающемъ фарфоръ и стекло для царскаго двора. . . . Чего же мудренаго, если царь и всѣ его родственники чувствуютъ себя сродни не только дворянамъ-помѣщикамъ, а и городскимъ толстосумамъ—заводчикамъ, купцамъ, фабрикантамъ?

Подумайте теперь: кто же самъ себѣ врагъ? Вы сами видите, что всѣ важныя должности на Руси заняты ставленниками и прихвостнями богачей-помѣщиковъ и заводчиковъ. Такъ можетъ ли попасть въ "начальство" такой человѣкъ, который бы сталъ защищать противъ нихъ народное дѣло? Кто его пуститъ на сколько нибудь значительное мѣсто, иначе, какъ по ошибкѣ, по простой оплошности? Всѣ главные чиновники отлично спѣлись между собой, и стоитъ только одному изъ нихъ затянуть на другой ладъ, какъ остальные всѣ дружно, сообща постараются поскорѣе сбыть его съ рукъ. Вотъ почему даже тогда, когда въ большіе чины выходитъ самъ по себѣ добрый и хорошій человѣкъ, онъ скоро привыкаетъ къ тому, что коли съ волками жить, такъ надо по волчьи и выть. Кто угождаетъ, кто прилаживается ко всѣмъ—тому хорошо; если онъ и проштрафится въ чемъ нибудь—въ обиду его не дадутъ. У всѣхъ у нихъ крѣпко держится правило: рука руку моетъ. Потому то и трудно всегда найти на кого нибудь изъ низшаго начальства управу у высшаго. Они сверху до низу связаны все равно что круговой порукой другъ за друга, всѣ переплелись въ такой клубокъ, что и не найдешь, гдѣ начало и гдѣ конецъ. Бываютъ, конечно, и у нихъ свои домашнія ссоры и распри, они подставляютъ другъ

другу ножки, каждый старается пролѣзть повыше и спихнуть другого; но это—дѣло семейное, это грызутся свои собаки. Всѣ такія ссоры не мѣшають имъ сообща и въ полномъ согласіи укрѣплять свою власть надъ народомъ и вытягивать изъ него послѣднюю копѣйку. Смѣняются министры, на мѣсто Ивана Ивановича садится Иванъ Петровичъ или Петръ Ивановичъ; смѣняются и цари, вмѣсто Александра Александровича садится Николай Александровичъ, а дѣйствія правительства все одни и тѣ же, безъ перемѣны для народа: на его нужду и на его жалобы никто изъ нихъ не обращаетъ вниманія.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ слышенъ голосъ крестьянина? Гдѣ его слушаютъ? Ужъ не на сходѣ ли, гдѣ всѣмъ ворочаютъ ставленники земскаго начальника—старшина да волостной писарь, вмѣстѣ съ деревенскими толстосумами? Ужъ не въ камерѣ ли земскаго начальника, который—самъ помѣщикъ—судитъ крестьянъ съ помѣщиками настоящимъ шемякинымъ судомъ? Или въ земствѣ, куда насажали почти что однихъ дворянъ-землевладѣльцевъ, а изъ крестьянъ опять же только угодныхъ земскому начальнику и губернатору? Или въ канцеляріи у этого губернатора, у котораго въ секретномъ ящикѣ лежатъ тайные циркуляры министра? Или въ министерствахъ, гдѣ быстры только на разныя новыя выдумки противъ крестьянъ и въ пользу богатыхъ сословій? Или въ кабинетѣ батюшки-царя, куда открытъ доступъ только знатнымъ и чиновнымъ людямъ?

Нѣтъ, видно пора всему крестьянству понять, что ему не на кого надѣяться, кромѣ какъ на самаго себя. Пришло время самимъ крестьянамъ приниматься за великое дѣло: взять законъ и правду въ свои собственныя руки, утвердить ихъ на землѣ своими средствами, хотя бы противъ воли всѣхъ властей и толстосумовъ.

Пришло время понять, что все нынѣшнее устройство правительства никуда не годится: оно для народа вредно, и его нужно отмѣнить. Въ волостномъ правленіи хорошъ только тотъ старшина, который не самовольничаетъ, а слушается своего общества и во всемъ съ нимъ совѣтуется, который не корчитъ изъ себя начальства, такъ что до него и рукой не достанешь,—а понимаетъ себя такъ, что онъ у общества на службѣ и за все передъ обществомъ отвѣ-

чаетъ. Такъ и во всемъ государствѣ хорошо только то правительство, которое поступаетъ съ народомъ не самовольно, а во всемъ спрашиваетъ его согласія; которое не издаетъ ни одного закона и ни одного распоряженія безъ вѣдома выборныхъ ходоковъ, уполномоченныхъ отъ этого самаго народа. Довольно! Долой всѣхъ этихъ самозванныхъ управителей! Долой разбойничье хозяйствованье надъ Русью всѣхъ этихъ помѣщичьихъ и купеческихъ ставленниковъ! Народъ вовсе въ нихъ не нуждается, ему не надобно отъ нихъ ни строгостей, ни милостей. Развѣ народъ не съумѣетъ самъ распоряжатвся своими внѣшними и внутренними дѣлами? Развѣ село чувствовало бы себя хуже, если бы ему была дана полная свобода устраиваться въ своихъ дѣлахъ, смѣщать и назначать сельскихъ старостъ и писарей, когда ему нравится, когда ему нравится дѣлать передѣлы земли, и т. д.? Развѣ выборные селъ, собравшись въ волости, хуже устраивали бы волостныя дѣла, если бы уничтожилась власть земскихъ начальниковъ, и волостныя власти зависѣли бы только отъ схода? А раззѣ выборные, уполномоченные отъ волостей не съумѣли бы въ уѣздномъ земскомъ собраніи также слѣдить за всѣми дѣлами въ уѣздѣ, какъ волостные старики—въ волости? Развѣ нельзя и для каждой губерніи установить такое же выборное управленіе и подчинить ему губернатора, точно такъ же, какъ сходу—старшину? Такъ же точно можно учредить народное, выборное управленіе и для всей страны. Какъ волостные старики собираются рѣшать дѣла волости, такъ и со всей страны собирались бы въ одно мѣсто выборные ходоки, уполномоченные отъ всего русскаго народа. Въ старыя времена, когда русскую землю постигало какое нибудь бѣдствіе, цари даже сами иногда созывали уполномоченныхъ отъ всѣхъ сословій, чтобы совѣтоваться съ ними, какъ пособить горю; такіе съѣзды выборныхъ назывались тогда "Земскими Соборами." Такъ и теперь, чтобы избавиться отъ гнета помѣщичьихъ и чиновничьихъ ставленниковъ, намъ нуженъ Земскій Соборъ. Только для того, чтобы обезпечить народу свободу на вѣки, нужно, чтобы онъ собирался постоянно, каждый годъ, и чтобы ему принадлежала вся главная власть. Пусть всенародные выборные люди дѣлаютъ учетъ всѣмъ властямъ, не глядя ни на

званья, ни на чины. Пусть они отставляютъ и смѣняютъ тѣхъ начальниковъ и чиновниковъ, которые нехороши для народа. Пусть отмѣняютъ тѣ подати и налоги, которые для народа обременительны. Пусть утверждаютъ только тѣ государственные расходы, которые народу пойдутъ въ пользу. Пусть отмѣняютъ всѣ тѣ законы, которые составлены въ угоду богатымъ и во вредъ простому рабочему люду. Словомъ, пусть народъ самъ будетъ себѣ полнымъ хозяиномъ, а всѣ чиновники пусть будутъ его слугами и наемниками; получаютъ жалованье, пока хорошо исполняютъ то, что имъ поручено, а провинятся—получаютъ полный разсчетъ и идутъ себѣ на всѣ четыре стороны. И такъ всѣ чиновники и правители, начиная отъ самаго высшаго главы государства и кончая послѣднимъ урядникомъ и полицейскимъ. Они должны служить народу, а не народъ —имъ!

Да, вотъ что нужно народу, вотъ когда онъ дѣйствительно сталъ бы вольнымъ народомъ, могъ бы добиться и льготы отъ податей, и праваго суда, и земли, которую у него неправильно оттягали въ собственность отдѣльныхъ владѣльцевъ. Только какъ всего этого добиться? Какъ установить на Руси новые порядки въ управленіи? Вѣдь развѣ нынѣшнее правительство по доброй волѣ согласиться отказаться отъ своей власти въ пользу народа? Нѣтъ, отвѣдавши сладкаго, не захочешь горькаго. Большая власть портитъ человѣка, пріучаетъ его возноситься надъ другими людьми и считать ихъ ни во что. Большая власть пріучаетъ человѣка къ гордости и своевольству. Кто же добровольно согласится изъ господина надъ народомъ сдѣлаться народнымъ слугой, нанятымъ работникомъ? Нѣтъ, покуда только есть возможность, все начальство, сверху до низу, будетъ обѣими руками держаться за свою власть, и станетъ жестоко раздѣлываться со всякимъ, въ комъ увидитъ врага себѣ и друга народной свободѣ.

Какъ же быть и что дѣлать? Взяться развѣ за топоры да пойти крошить направо и налѣво, до тѣхъ поръ, пока отъ всего нынѣшняго начальства и духу не останется? Нѣтъ, изъ этого проку выйдетъ мало. Будетъ одно напрасное кровопролитіе, потому что сила сейчасъ не на сторонѣ крестьянъ. Правда, рабочаго люда много,—да бѣда

въ томъ, что въ немъ мало согласія. И хотя народные угнетатели—ничтожная горсточка въ сравненіи со всѣмъ народомъ—за то они крѣпко держатся другъ за друга, и дѣйствуютъ разомъ, дружно, стройно, по заведенному порядку, какъ хорошая машина. Въ ихъ рукахъ—отлично вышколенныя войска, пріученныя безприкословно повиноваться всякому приказанію начальства. Сколько бы селъ ни вздумало бунтоваться, если это все будетъ враздробь, поодиночкѣ,—справиться съ ними будетъ немудрено. Другое дѣло, если бы все это было дружно, разомъ, по взаимному уговору. Но къ этому еще народъ не приготовленъ.

Въ томъ то и бѣда, что еще много, очень много въ народѣ темноты. Если бы народъ твердо понималъ, что кругомъ него творится—тогда нынѣшніе порядки не продержались бы и двухъ дней. Тогда бы и солдатъ, надѣвши вмѣсто мужицкаго армяка военный мундиръ, помнилъ бы, что хоть онъ и въ новой одеждѣ, да сердце у него все то же; тогда бы онъ еще подумалъ, прежде чѣмъ стрѣлять по командѣ въ своего брата-крестьянина или фабричнаго. Значитъ, прежде всего мѣшаетъ народу завоевать свою долю его собственная темнота: она держитъ его въ плѣну, въ рабствѣ, она его не выпускаетъ на свободу, ее нужно одолѣть.

Если кто уже сейчасъ понялъ, что творится въ русскомъ царствѣ, какъ и почему,—такъ онъ долженъ открывать глаза и другимъ. Конечно, это надо дѣлать съ толкомъ. Нельзя дѣйствовать въ открытую, нельзя кричать о правдѣ на всѣхъ перекресткахъ. Нужно поберечь и себя, не ради цѣлости собственной шкуры, а ради того же мірского дѣла. Понимающихъ людей въ народѣ еще слишкомъ мало, и потому каждый такой человѣкъ дорогъ. Нечего также попусту тратить слова съ нестоющими людьми, или пытаться усовѣстить людей съ прожженой совѣстью. Надо втихомолку подбирать себѣ надежныхъ товарищей изъ людей испытанныхъ, которые готовы послужить народному дѣлу, не жалѣючи себя. Надо столковаться съ ними, согласиться, за что стоять и какъ дѣйствовать. Чтобы дѣло было крѣпче, надо составить тайное общество или братство для защиты народныхъ правъ: дать другъ другу клятву или торжественное обѣщаніе во всемъ поступать по взаимному уговору,

а не кто во что гораздъ, другъ друга не выдавать и мірскому дѣлу не измѣнять, какъ бы круто ни приходилось. Такъ поступаютъ крестьяне сейчасъ и въ чужихъ краяхъ, въ Венгріи, въ Румыніи, въ Италіи, въ Ирландіи, вездѣ, гдѣ имъ живется худо; такъ поступаютъ и фабричные рабочіе вездѣ, гдѣ имъ запрещаютъ открыто отстаивать свой интересъ противъ хозяина; такъ начинаютъ уже теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поступать и наши русскіе крестьяне. Всякое такое братство должно быть въ строгой тайнѣ. Дѣла ему будетъ много. Оно должно принимать участіе во всѣхъ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ, наблюдая за правдой и справедливостью, пріучая крестьянъ знать свои права, не продавать ихъ за ведро водки, не уступать изъ страха передъ сильнымъ человѣкомъ. Оно должно пріучать крестьянъ стоять другъ за дружку крѣпко, какъ одинъ человѣкъ, противъ всѣхъ мірскихъ недруговъ: деревенскихъ толстосумовъ, плутоватыхъ волостныхъ воротилъ, сосѣднихъ землевладѣльцевъ, земскаго начальника и тому подобныхъ. Оно должно не упускать ни одного случая, чтобы разъяснить остальнымъ крестьянамъ какую нибудь неправду въ дѣйствіяхъ начальства или даже въ самихъ нашихъ законахъ. Это нужно для того, чтобы крестьянство на дѣлѣ могло видѣть, какая "хитрая механика" въ пользу богатыхъ сословій и противъ рабочихъ людей скрыта во всѣхъ нашихъ законахъ и всемъ нашемъ устройствѣ. Такимъ путемъ, горькимъ опытомъ нужно доводить крестьянство до мысли, что одними хлопотами да прошеніями у начальства нельзя найти правду, а приходится утверждать ее своими средствами. . . . Только не нужно прежде времени бунтовъ, сопротивленій властямъ и безпорядковъ; надо удерживать отъ нихъ деревню, покуда возможно. Народныя силы надо беречь для будущаго. Пока нельзя взять силой, надобна снаровка. Во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приходится защищать мірской интересъ, можно узнавать людей—кто годится для дѣла, кто нѣтъ; кто востеръ только на словахъ, и кто отъ сказаннаго слова не отступаетъ; кто труслив, и кто смѣлъ. Тутъ то и можно присматривать новыхъ людей, которыхъ стоитъ присоединить къ братству. Если въ нихъ сойдутся всѣ самые сильные, умные и рѣшительные крестьяне, то имъ не трудно будетъ ворочать

всѣмъ сходомъ и направлять къ общей, народной пользѣ всѣ мірскія дѣла. А если такія братства заведутся во многихъ мѣстахъ, то имъ можно будетъ скликнуться между собою и сообща обдѣлывать такія дѣла, которыхъ нельзя сдѣлать въ одиночку или маленькими компаніями. Притѣснителя-помѣщика или деревенскаго толстосума-міроѣда можно будетъ тогда въ самую горячую, страдную пору вдругъ, по уговору, оставить совсѣмъ безъ рабочихъ. Одно-общественника, который нарушитъ уговоръ или пойдетъ противъ мірского интереса, словомъ, будетъ измѣнникомъ міру въ пользу какого нибудь изъ его враговъ—можно будетъ проучить и строго, и безъ всякого противозаконнаго самоуправства: пусть только всѣ сторонятся отъ него, какъ отъ зачумленнаго, не помогаютъ ему ни въ какой бѣдѣ и ни въ какой нуждѣ, пусть даже никто не молвитъ съ нимъ ни единаго слова, такъ, какъ будто его и нѣтъ, какъ будто его никто и не видитъ, и не слышитъ. Это средство испытанное и вѣрное. Если же какой нибудь человѣкъ для общества особенно вреденъ, то можно выдумать ему наказаніе и почувствительнѣе. Нѣкоторые помѣщики и безъ того жалуются, что кто изъ нихъ съ крестьянами не въ ладу, тому житья нѣтъ: вѣчныя потравы, поджоги, порча инвентаря и всякій вредъ хозяйству. Если крестьяне нѣскольких окрестныхъ селъ будутъ соединены (конечно, не поголовно, а только самые отборные) въ тайныя общества, то не трудно будетъ сообща, по уговору, держать такого врага въ настоящей осадѣ. Если ему ни за какія деньги никто изъ окрестныхъ крестьянъ не будетъ помогать, и отовсюду онъ будетъ видѣть только поступки во вредъ себѣ —то навѣрное онъ долго не выживетъ, не вытерпитъ и сбѣжитъ. Главное—на такой ежедневной борьбѣ за мірской интересъ пріучить крестьянъ дѣйствовать дружно, чтобы каждый стоялъ за всѣхъ и всѣ за каждаго, не выдавая другъ друга ни въ какой крайности. Тогда трудно будетъ съ ними что нибудь подѣлать и земскому начальнику, и становому, и помѣщику. Увидѣвши, какъ осторожно, и въ то же время твердо, крестьяне научились стоять за свое дѣло и какъ ловко они умѣютъ хоронить концы въ воду, каждый изъ этихъ начальниковъ тоже будетъ остерегаться черезчуръ прижимать и раздражать село: у каждаго изъ нихъ

только одна голова на плечахъ, а ночи бываютъ темныя и дороги глухія. . . . Довести до крайности крестьянъ не трудно, только кому то еще придется заваренную кашу расхлебывать?

Крестьянство уже и такъ показало кое гдѣ, что и его терпѣнію бываетъ конецъ. Недаромъ же всполошился министръ и началъ строчить строгія предписанія губернаторамъ. На первый разъ ему еще кажется, что это дѣло легко поправимое, стоитъ только во время подтянуть и приструнить мужика. Но если на крестьянъ это не подѣйствуетъ, если они будутъ попрежнему, и даже еще сильнѣе давать отпоръ своимъ притѣснителямъ, тогда и министръ запоетъ на другой ладъ. Когда упряжная скотина становится на дыбы и не слушаетъ больше ни узды, ни кнута, —тогда надо отойти, отпустить ей вольготно поводъ, чтобы она поуспокоилась,—а потомъ опять потихоньку, полегоньку, поглаживая по шерсткѣ, ввести ее въ оглобли. Такъ и наше правительство поступаетъ съ крестьянствомъ: если видитъ, что ему становится невтерпежъ,—даетъ какое нибудь послабленіе, льготу, отпускаетъ не на долгое время возжи; а тамъ, когда у народа сердце уляжется, можно и опять возжи натянуть. Такъ и теперь: если оно увидитъ, что строгостью ничего не подѣлаешь, такъ навѣрное постарается чѣмъ нибудь замазать крестьянству ротъ. Скрѣпя сердце, оно дастъ ему какое нибудь облегченіе, чтобы потомъ втихомолку опять начать плести свои новыя крѣпостныя цѣпи. Только неизвѣстно, еще дастся ли крестьянство въ обманъ и на этотъ разъ, потому что оно уже достаточно учено горькимъ опытомъ!

Самый лучшій примѣръ—освобожденіе крестьянъ. Сколько времени держалось крѣпостное право, и могло бы еще продержаться лишній десятокъ лѣтъ, если бы крѣпостной народъ все только вздыхалъ да терпѣлъ. Но видно было, что у народа не стало мочи терпѣть, что дѣло можетъ дойти до всеобщей кровавой народной расправы. То тамъ, то здѣсь уже вспыхивали красные огоньки бунта. И это подѣйствовало. Недаромъ императоръ Александръ Николаевичъ, принимая недовольныхъ дворянъ, увѣщевалъ ихъ знаменитыми словами: "надо заблаговременно освободить крестьянъ сверху, будетъ хуже, если они сами начнутъ

освобождать себя снизу." Недаромъ также главный довѣренный царя по дѣлу освобожденія, Ростовцевъ, долженъ былъ повторять ненасытнымъ помѣщикамъ: "господа, я самъ дворянинъ, но вѣдь если мы еще уменьшимъ надѣлъ, то мы этимъ зажжемъ Россію со всѣхъ четырехъ концовъ!"

Такимъ то родомъ, нехотя, поневолѣ и состоялось освобожденіе крестьянъ. Чего же можно было ждать отъ такого освобожденія? И вотъ, когда на Руси по этому поводу шло великое ликованіе, въ издававшейся на свободѣ, заграницей, русской газетѣ "Колоколъ" были написаны пророческія слова: "Каково бы ни было освобожденіе—оно въ первый день примется съ восторгомъ. . . . Не одинъ шкаликъ откупного вина разопьется въ честь свободы. . . . Но день пройдетъ,—всѣ оглянутся и увидятъ, что и вино поддѣльное, и свобода поддѣльная. . . . Крестьянинъ думалъ, что онъ будетъ вольный, а на дѣлѣ окажется, что нѣтъ. . . . Старое крѣпостное право замѣнено новымъ!"*

Это писали русскіе люди, Герценъ и Огаревъ, которые за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ должны были бѣжать изъ Россіи въ чужіе края, чтобы избавиться отъ преслѣдованій русскаго правительства. Ихъ вина была—любовь къ простому народу и ненависть къ крѣпостному праву. Они требовали свободы крестьянъ не только отъ помѣщиковъ, но и отъ чиновниковъ; они требовали освобожденія отъ помѣщиковъ не только крестьянъ, но и всей ихъ *земли*. Безъ этого—говорили они—крестьяне не будутъ свободны, а только перемѣнятъ однѣ цѣпи на другія.

Теперь мы видимъ, какъ правдивы были ихъ слова. Мы видимъ, въ какія тиски попали крестьяне. Мы понимаемъ, что настоящая свобода можетъ быть только завоевана самимъ крестьянствомъ, а не пожалована ему сверху. Дареная свобода—фальшивая свобода. И мы призываемъ крестьянство соединиться въ тайныя братства, чтобы начать борьбу за свое полное освобожденіе, за то, чтобы народъ сталъ единственнымъ и полнымъ господиномъ себѣ во всѣхъ дѣлахъ.

Въ этой борьбѣ крестьянство не останется одинокимъ. Съ нимъ вмѣстѣ будутъ заводскіе и фабричные рабочіе

* "Разборъ новаго крѣпостного права"—въ "Колоколѣ," №№ 62 68—69, 101 за 1861 годъ.

въ городахъ. Они уже давно зашевелились, давно начали соединяться въ свои тайныя союзы, чтобы братски стоять другъ за друга и бороться съ угнетателями. Крестьянамъ и рабочимъ нужно бороться заодно, потому что у нихъ одни и тѣ же враги и однѣ и тѣ же цѣли. Къ нимъ пристанутъ также многіе изъ образованныхъ и честныхъ людей, которые не хотятъ торговать своей совѣстью, не хотятъ подлаживаться къ народнымъ угнетателямъ, а, подобно Герцену и Огареву, стояли, стоятъ и будутъ стоять за дѣло справедливости. Когда состоится такой союзъ—это будетъ знакъ, что скоро пробьетъ на Руси послѣдній часъ всевластію всѣхъ маленькихъ и большихъ самодержцевъ надъ угнетаемымъ народомъ!

Пока еще въ народѣ немного такихъ людей, которые понимаютъ, гдѣ и въ чемъ лежитъ корень зла. Еще меньше такихъ, которые смѣло и стойко борятся съ этимъ зломъ. Но съ каждымъ днемъ они становятся все опаснѣе и опаснѣе для помѣщиковъ, фабрикантовъ, для ихъ нахлѣбниковъ и ставленниковъ—министровъ и прочихъ чиновниковъ. И министръ понимаетъ это, какъ видно изъ прочитаннаго нами циркуляра. Онъ чуетъ, что народъ просыпается. Да и какъ не проснуться, когда кругомъ все будитъ мужика отъ духовнаго сна. Будитъ его нужда, и холодъ, и голодъ; будитъ его и становой, и исправникъ, выколачивающій изъ него подать, и земскій начальникъ, раздающій плюхи крестьянамъ и мирволящій плутамъ-старшинамъ, помѣщикамъ и міроѣдамъ. Будятъ народъ и вздохи помѣщиковъ по крѣпостному праву; будятъ и розги, свистящія надъ крестьяниномъ за то, что онъ не хочетъ покорно подставлять свою спину новоявленнымъ господамъ; будитъ его и барабанный бой солдатъ, посылаемыхъ усмирять его для помѣщиковъ. Наконецъ, будитъ народъ противъ своей воли и самъ министръ, сочиняющій такіе циркуляры, изъ которыхъ и малому ребенку ясно, чью руку держатъ всѣ большіе и малые всероссійскіе самодержцы!

А съ другой стороны стараются разбудить народъ и люди совсѣмъ другого сорта—народные, крестьянскіе доброхоты изъ образованныхъ, ученыхъ людей, или, какъ говорятъ, изъ *интеллигенціи*. Они также открываютъ народу глаза на его притѣснителей. Такіе-то доброхоты и раздобыли

секретный циркуляръ министра, чтобы объявить его для всеобщаго свѣдѣнія. Въ первый разъ этотъ циркуляръ былъ отпечатанъ въ Россіи, въ тайной типографіи (печатнѣ) "Союза соціалистовъ-революціонеровъ," то-есть союза людей, стремящихся водворить на Руси такіе порядки, чтобы въ ней не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни начальниковъ, ни подчиненныхъ, а всѣ были бы равны, свободны и счастливы.

Понятно, что начальство ненавидитъ этихъ людей, распускаетъ про нихъ разныя клеветы и небылицы и всячески ихъ преслѣдуетъ: хватаетъ, сажаетъ въ тюрьмы и крѣпости, ссылаетъ въ Сибирь, на каторгу, вмѣстѣ съ ворами, грабителями и злодѣями. Но все таки оно ничего не подѣлаетъ съ соціалистами, потому что за ними—правда, и за эту правду на мѣстѣ погибшихъ и замученныхъ встаютъ новые бойцы. "Все минется, одна правда останется"—говоритъ русская пословица. Да, правду нельзя загубить. Рано или поздно, она возьметъ свое. Настанетъ пора, когда русскій рабочій народъ, городской и сельскій, смѣло и дружно, горой встанетъ за свое дѣло и свергнетъ съ себя иго сидящихъ на его шеѣ дармоѣдовъ. Работайте же надъ тѣмъ, чтобы скорѣе пришла эта свѣтлая, желанная пора!

